

**Огонек**

*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

**№ 51 (299). 16 декабря 1928 г.**

---

В 1929 году исполняется 25 лет со дня смерти Антона Павловича Чехова. „Огонек“ дает своим читателям собрание сочинений этого несравненного мастера художественного слова. Произведения Чехова будут сопровождаться статьями и комментариями наших лучших критиков-марксистов и знатоков творчества Чехова. Кроме того, в журнале „Огонек“ будет напечатан ряд статей, всесторонне характеризующих многообразное творчество писателя.

В настоящем номере предлагаем вниманию читателей статью Л. П. Гроссмана о письмах Чехова, являющихся выдающимся образцом эпистолярной литературы и по силе равных письмам Пушкина.

## ПИСЬМА ЧЕХОВА

Статья Леонида Гроссмана.

„Письма Чехова похожи на его рассказы, — заметил один читатель, — от них трудно оторваться“...

И действительно, эти листки авторской переписки увлекательны, как художественное повествование. Чехов, несомненно, относился к своим письмам, как к литературному явлению. Он придавал им разнообразное построение, тон и стиль, в зависимости от основной темы своего сообщения. Он заострял и расцветивал их, как произведение словесного искусства.

У него есть письма-фельетоны, письма-пародии, письма-очерки и письма-диалоги. Летучие странички отрывочного дневника, опи полны юмора и лиризма, характерных портретных штрихов и живописных подробностей. Это не будничная почтовая проза, это особый вид литературного творчества.

Трудно охватить все их глубокое и разнообразное значение. Однако же важные в деле понимания личности и творчества Чехова, они в равной степени пучки его биографу, критику и читателю. Своим богатым запасом раздумий о творчестве они открывают целую школу писательского искусства, излагая обширный кодекс литературных законов. Являясь по своей форме и языку одним из крупнейших событий русской эпистолярной литературы, они охватывают разнообразными случаями действительности и как бы сообщают ряд жизненных советов своему читателю.

Но прежде всего эти сборники писем важны, как богатейший материал для понимания их автора.

Они вскрывают многие приемы творчества этого тончайшего художника, выясняют систему его писательской техники, с новой четкостью обнаруживают основные принципы его поэтики и окончательно определяют его умственные симпатии, литературные влечения и художественные вкусы. Обычный эскизный облик писателя в читательском представлении благодаря этим письмам заполняется красками и выступает рельефами.

Широкие полосы света льются от этих страниц и в тайники чеховского характера. Выясняется постоянная неудовлетворенность этого врача и практического деятеля своей замкнутой писательской работой, обнаруживается вечная тяга его от рукописей и корректур в водоворот непосредственной жизни со всеми ее великими волнениями, уродливыми несовершенствами и гнетущими страданиями. Все острее прорывается с годами эта тоска пассивного наблюдателя по широкому жизненному строительству, все определеннее Чехов-деятель заслоняет Чехова-созерцателя.

В один из самых грустных моментов человеческой жизни — „на полпути земного бытия“, когда молодость прошла, а старость еще не наступила, — в эту заветную для всех эпоху полного расцвета жизненных сил, которая для Чехова явилась грозной предвестницей неустранимо близкого конца, в нем с редкой энергией выступил Фауст-строитель, осущающий болота на благо человечества, чтобы заглушить великую тоску своей мысли, истомленной в тишине лабораторий.

Все это отчетливо выступает из его писем. Но еще заметнее их чисто-литературное значение. Как совершенные образцы эпистолярного жанра, листки чеховской корреспонденции достойны стать рядом с ве-

личайшими шедеврами этого рода — о письмах Пушкина.

При всем различии их авторов, много общих свойств роднят эти два архива писем. Редкая непосредственность, изумительная живость легкого и как бы порхающего юмора, неожиданно приобретающего глубокие ноты взволнованной серьезности, когда речь заходит о значительном и важном, — таковы общие черты их переписки.

Оба они умели о самых сложных вопросах говорить с неомрачаемой ясностью и светлым спокойствием. Ничего общего в их дружеских посланиях с письмами Белинского, Гоголя или Достоевского, в которых все напряженно-серьезно, где строятся и разрушаются целые философские и политические системы, где авторы выступают и публицистами, и проповедниками, и судьями, и кающимися.

В чеховских письмах даже грустные страницы охвачены согревающей мягкостью всех его писаний. Он умеет всюду сохранить эту прозрачность и внутреннюю оазисность тона с обычным, как бы врожденным изяществом формы. В описаниях и характеристиках, в пейзажах и портретах он неизменно набрасывает легкие эскизы, напоминающие тонкие наброски пером английских художников-юмористов. Здесь та же воздушность и блеск штриха, та же выразительная законченность беглой зарисовки.

Вот, например, портрет Максима Ковалевского, с которым Чехов познакомился в Ницце:

„Это высокий, толстый, живой, добродушнейший человек. Он много ест, много спит и очень много работает — и с ним легко и весело. Смех у него раскатистый, заразительный“.

Несколько строк достаточно для выпуклого портрета. Виртуоз художественной миниатюры сказывается на каждом шагу. Чехову никогда не нужны были широкие пространства и свободные дали романа, — несколько печатных страничек были достаточны ему для изображения самых трагических случаев. Неудивительно, что листок почтовой бумаги служил ему канвой для сложных творческих узоров.

Письма Чехова освещают во всех направлениях его рабочую мастерскую. Новый свет проливается от них и в художественную студию, и в экспериментальную лабораторию этого поэта-натуралиста.

Методы чеховской работы обнаруживаются прежде всего в его советах другим писателям. Здесь раскрывается целая школа для беллетриста, намечаются пути для разрешения труднейших проблем стиля и композиции.

В этом отношении письма Чехова могут стать рядом с знаменитой корреспонденцией Флобера.

Главной художественной добродетелью для Чехова остается до конца краткость. Он указывает Горькому на необходимость делать описания природы компактнее, короче. „так в 2—3 строки“. Он советует ему безжалостно вычеркивать эпитеты в корректуре, так как в мозгу читателя „беллетристика должна укладываться сразу, в секунду“.

„Когда на какое-нибудь определенное действие человек затрачивает наименьшее количество движений, то это граница“... То же и в литературе. „Вы не умеете экономить“, — вот вечная сущность его критических замечаний.

Он со всей строгостью применяет это правило и к собственной работе: „Я занят, занят по горло: пишу и зачеркиваю, пишу и зачеркиваю“, — изображает он процесс своей творческой работы. „Я острит корректуру, чтобы сделать ее легче“, — сообщает он одному из своих редакторов.

При этом он не перестает обращать внимание на внутреннюю красоту фразы, на ее ритмичность и музыкальность.

„Корректуру я читаю не для того, чтобы исправлять внешность рассказа; обыкновенно в ней я заканчиваю рассказ и исправляю его, так сказать, с музыкальной стороны“...

Он дает подробные указания одной писательнице об отделке стиля до степени мелодического совершенства:

„Вы не работаете над фразой; ее надо делать, в этом искусство. Надо выбрасывать лишнее, очищать фразу от „по мере того“, „при помощи“, надо заботиться об ее музыкальности и не допускать в одной фразе почти рядом „стала“ и „перестала“.

Со строгостью поэта к благозвучию каждого словесного сочетания он указывает одному врачу, что заглавие журнальной статьи „Очерки санитарной статистики“ — неудачно, „так как содержит много с и много т“.

Для определения его творческого метода важное значение имеет его указание об умении писать только по воспоминаниям и никогда непосредственно с натуры. Его вечная работа об экономии литературных средств заставляет его выжидать, чтобы память процедила сюжет и чтоб на ней, как на фильтре, осталось только важное или типичное.

Творчество Чехова было тесно связано с его первоначальной профессией — медициной. Мы знаем, что Чехов-врач неотделим от Чехова-писателя. Пройденный им медицинский факультет и последующая врачебная практика наметили метод его художественной работы, сообщили богатейший житейский материал для обработки, возведя четкое здание его мировоззрения, беспрестанно углубляли и проясняли его жизненную философию.

Письма Чехова подтверждают его неизменную приверженность школе Дарвина и Клод-Бернара. Он с гордостью указывает своим корреспондентам на свое звание врача, „человека, посвященного в тайны эскулапов“. События медицинской жизни занимают и волнуют его несравненно сильнее литературных. Об успехах и открытиях в этой области он сообщает своим друзьям не только с радостью мыслителя-гуманиста об избавлении человечества от страданий, но с глубоким удовлетворением медика за новое торжество своей науки над темными силами природы.

Обычно врачебная деятельность у него на черном плаве. Не только у себя в деревне он уделяет все свои утра приему больных. В Ницце, где ему самому приходится лечиться, он продолжает врачебную работу, и даже сам отправляется в аптеку, чтобы показать фармацевту-французу, как приготовить лекарство для своих пациентов.

С годами, повидимому, эта потребность усиливается в нем. Письма последних томов нестрит медицинскими советами, латинскими терминами и десятичными дробями с непререкаемыми формулами: „череда для часа по столовой ложке“. Между

дружеской шуткой и сердечным признанием здесь стоит неизменно врачебный рецепт.

В краткой автобиографии, приложенной к одному из писем, имеется ценное признание самого Чехова, о роли медицины в его художественной работе:

„Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно продвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как для писателя, может понять только тот, кто сам врач; они имели также и направляющее влияние и, вероятно, благодаря близости к медицине, мне удалось избежать многих ошибок. Знакомство с естественными науками, научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соотноситься с научными данными, а где невозможно — предпочитал не писать вовсе“.

В 1897 г. окончательно выяснилась смертельная болезнь Чехова. К этому времени в письмах его начинает звучать лейтмотив приближающейся смерти. К этому моменту относится трагически лаконичная записка его к одному из московских друзей. В ней только два слова, — но она звучит, как смертный приговор:

„Идет кровь“.

Обреченный Чехов почувствовал сильнейший прилив любви к жизни и к жиз-

ненной деятельности. В этот период его постоянная культуртрегерская работа приобретает редкую интенсивность.

Словно в виду близкого конца он стремится осуществить столь ценный им завет корана и оставить после себя как можно больше вырытых колодезев.

Письма этой поры — летопись широкой просветительной деятельности: постройка школ, устройство библиотек и музеев, хлопоты по организации санаториев и народных театров заполняют его жизнь и успокаивают от разочарования в литературной работе.

Результаты этой практической деятельности огромны. Он оставляет три образцовых школы в Мелихове, он добывает деньги для постройки Мухоматовского училища в Крыму и устройства Пушкинской школы в Ялте; он хлопочет об устройстве санатория для алкоголиков, он мечтает открыть в Москве книжный склад для провинциальных читателей.

Ото всюду он высылает книги в созданную им таганрогскую библиотеку, всюду он собирает материалы для нарождающегося исторического музея Приазовского края. Выбор и количество отсылаемых им книг обнаруживают редкую любовь и понимание потребностей библиотечного дела. Критическая литература, атласы, истории и энциклопедия, — все это направляется из Москвы или Парижа в маленькое созда-

ющееся книгохранилище далекой провинции.

Его надежды на грандиозный рост культуры в ближайшем будущем непоколебимы.

Он верит, что через 25—40 лет для провинциальной библиотеки потребуется пятиэтажное здание, что на каждой улице к тому времени будет по театру.

Уходящий из жизни Чехов в своем обращении от литературы к жизненному строительству как бы безмолвно учит нас, что „в деянии начало бытия“.

Письма Чехова — великая школа жизни. Без проповедей и громогласных заветов, шути и словно лаская своего читателя, они воспитывают в нем художественный вкус и благородную умственную трезвость, стремление к неустойчивой активности, крепкую волю во всяком жизненно-ценном деле и неодолимую тягу ко всему человечески-значительному.

Эти заветы простой и высокой мудрости, выраженные тем языком, который стремится только быть прозрачной оболочкой, озаряющей мысли, принадлежат к немногим словам, органически сливающимся с жизнью. На них должны одинаково воспитываться деятели творческой мысли и люди незаметного труда.

Вот почему собрание чеховских писем стоит в ряду лучших книг русской литературы.

*Теонид Гроссман.*